

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 100–108.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 1 (82):100–108.

Научная статья
УДК 821.161.1-31.09«19»
DOI 10.37724/RSU.2024.82.1.010

Образы святых как элемент сакрального топоса эпопеи А. И. Солженицына «Красное колесо»

Татьяна Евгеньевна Смыковская

Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Россия
tarkatova@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена одному из ключевых произведений русской литературы второй половины XX столетия — десятитомной эпопее А. И. Солженицына «Красное колесо». Объект исследовательского внимания — религиозный дискурс эпопеи, а именно система образов святых, посредством которой писатель раскрывает основные идеи произведения. Несмотря на то, что в последние десятилетия художественный мир эпопеи активно исследуется, образы святых не становились предметом специального изучения. Цель статьи — проанализировать три доминирующих образа — Серафима Саровского, Николая Угодника и Георгия Победоносца. Автор работы стремится показать, что, включая образы святых в художественную ткань эпопеи, А. И. Солженицын демонстрирует не просто утрату православной веры накануне Февральской революции 1917 года, но глубокий нравственный кризис, охвативший русский народ, вследствие чего он не смог противостоять разрушительным историческим процессам начала XX века. Автор публикации выявляет: художественное своеобразие религиозного дискурса заключается в том, что образы святых неодинаково композиционно позиционируются в пространстве произведения. Они могут проецироваться на героев, как, например, Серафим Саровский. Однако чаще всего, как в случае Николая Чудотворца и Георгия Победоносца, являются элементом культурно-религиозного сознания героев и активно влияют на их земное и духовное существование. Результаты исследования могут быть востребованы литературоведами при изучении духовного топоса «Красного колеса», а также учителями в вузовском и школьном курсе преподавания литературы и истории.

Ключевые слова: образ Серафима Саровского, образ Николая Угодника, образ Георгия Победоносца, христианство, православная вера.

Для цитирования: Смыковская Т. Е. Образы святых как элемент сакрального топоса эпопеи А. И. Солженицына «Красное колесо» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 100–108. DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.010.

Original article

Images of saints as an element of the sacred topos in A. I. Solzhenitsyn's epic *The Red Wheel*

Tatyana E. Smykovskaya

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia
tarkatova@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to one of the key works of Russian literature of the second half of the twentieth century, the ten-volume epic by A. I. Solzhenitsyn *The Red Wheel*. The object of research is the religious discourse in the epic, namely the system of images of saints, through which the writer reveals the main ideas of his work. Despite the fact that in recent decades the artistic world of the epic has been actively studied,

the images of saints have not become the subject of special study. The purpose of the article is to analyze three dominant images: Seraphim of Sarov, St. Nicholas and St. George the Victorious. The present research seeks to show that, by including images of saints in the artistic fabric of the epic, A. I. Solzhenitsyn demonstrates not just the loss of the Orthodox faith on the eve of the February Revolution of 1917, but a deep moral crisis that struck the Russian people, as a result of which they were unable to resist the destructive historical processes at the beginning of the twentieth century. The author of the publication proves this: the artistic originality of the religious discourse lies in the fact that the images of saints are unequally compositionally positioned in the space of the work. They can be projected onto heroes, such as Seraphim of Sarov. However, most often, as in the case of St. Nicholas the Wonderworker and St. George the Victorious, they are an element of the cultural and religious consciousness of the heroes and actively influence their earthly and spiritual existence. The results of the study may help literary scholars when studying the spiritual topos of *The Red Wheel*, as well as university lecturers and school courses of literature and history.

Keywords: image of Seraphim of Sarov, image of Nicholas the Wonderworker, image of St. George the Victorious, Christianity, Orthodox faith.

For citation: Smykovskaya T. E. Images of saints as an element of the sacred topos in A. I. Solzhenitsyn's epic *The Red Wheel*. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 1 (82):100–108. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.010.

Введение

Эпопея А. И. Солженицына «Красное колесо» (1965–1990), являясь одним из самых значимых произведений русской литературы второй половины XX столетия, в последние десятилетия стала пристальным объектом для изучения со стороны литературоведов. Уже создан ряд фундаментальных работ, раскрывающих разные аспекты проблематики и поэтики произведения [Гуськов, 2010 ; Щедрина, 2010 ; Урманов, 2014]. Не ушел от взгляда исследователей и религиозный дискурс эпопеи, были предприняты усилия как по целостному его осмыслению [Гаркавенко, 2007], так и по проникновению в специфику отдельных художественных сторон [Шешунова, 2005 ; Тихомирова, 2009 ; Смыковская, 2013 ; Ликвинцева, 2014]. Однако при многогранном освещении незатронутым остается важный образный пласт «Красного колеса», связанный с отображением христианских святых. Цель данной статьи — представить образы ключевых святых, изображенных в произведении, и выявить своеобразие их проблемно-тематической и поэтической презентации в художественном мире эпопеи.

На страницах «Красного колеса» А. И. Солженицына упоминаются имена многих святых (святые Владимир, Павел, Петр, Андрей и др.), их образы пронизывают все узлы десяти томного произведения. Со святыми сопоставляются герои эпопеи. Так, Захар Томчак уподобляется Илье-пророку: «Она за грудь его держала и не спрашивала почти, а смотрела на его усатое, носатое, бровастое лицо, как на Илью-пророка: ударит или не ударит?» [Солженицын, 2007, т. 7, с. 72]. Илья в народной традиции предстал «грозным святым» [Славянская мифология, 2002, с. 201], не любящим шутить, «готовым прийти на помощь лишь тому, кто его об этом будет молить истово, от всего сердца» [Лазарев, 2000, с. 57]. Сравнение Захара с ветхозаветным пророком, с одной стороны, подчеркивает вспыльчивость и непредсказуемость характера главы дома Томчаков, с другой — его справедливость и непредвзятость. Отмечаем, что со святыми в «Красном колесе» отождествляются только те герои (Захар Томчак, генерал Самсонов, генерал Лечицкий, полковник Воротынцев), в душах которых гармония преобладает над хаосом.

Среди святых, встречающихся в эпопее, особое место занимают три образа: святой Серафим Саровский, святой Николай Угодник, святой Георгий Победоносец.

Основная часть

Художественное воплощение образа Серафима Саровского

Серафим Саровский изображен в «Августе четырнадцатого» и в четвертой книге «Марта семнадцатого». Образ преподобного старца обрисован в связи с повествованием о его канонизации, произошедшей летом 1903 года. В «Августе» это событие показано через призму мыслей Николая II, в «Марте» о священном действии вспоминает капитан Василий Клементьев. Толпы паломников, стекающиеся на празднество богослужения, длившееся четыре дня, множество зажженных све-

чей, «слитные церковные песнопения» воссоздают мир, наполненный гармонией, истинной верой, тем, что приподнимает над земным существованием, указывая на его скоротечность и суетность. В Сарове Николаю свое царствование представляется лишь иллюзией: «...отсюда, из центра поднебных богослужений, так дико было представить где-то в этой же стране — высший свет, ушедший от Бога, профессорскую смуту, студенческие крики, дерзости печати и злодейство революционеров» [Солженицын, 2007, т. 8, с. 351]. Государь с великим трепетом вспоминал канонизацию старца Серафима, поскольку там ему удалось стать сопричастным божественному свету, благодати. Саровское торжество воссоздает в эпопее духовный идеал, который рождается лишь от прикосновения к высшей святости. Пространство Сарова с его молитвенным празднеством — это осколок прежней потерянной православной Руси, поэтому старец и появляется только в воспоминаниях героев.

Образ преподобного в «Красном колесе» соединен с образом императора: «...бородатые паломники и в белых платках паломницы... стекали к обеим сторонам лесной дороги поглядеть, как их царь несет гроб святого...»; «...со слезами пели: “Преподобный отче Серафим, моли Бога о нас!” — а заодно с тем любили и императора, чей портрет душевно был вывешен едва ли не в каждом доме — таких, как семья Клементьевых» [Солженицын, 2007, т. 8, с. 350 ; 2009, т. 14, с. 275]. Приближенность в топосе произведения Николая II к Серафиму Саровскому приоткрывает не только дальнейшую трагическую судьбу государя, но и многотрудный духовный путь последнего русского императора, впоследствии канонизированного Православной церковью в качестве царя-страстотерпца.

Серафиму Саровскому, пророчествовавшему о бедах, потрясших Россию в XX веке, близки в «Красном колесе» образы старцев-предсказателей. Старица Марья Михайловна предвидит мученическую смерть Александры Федоровны, Евсей Макарыч, старик из Углича, — «горькие времена-бремена для всей России» [Солженицын, 2007, т. 7, с. 269]. Знаковым является сон Козьмы Гвоздева, в котором он созерцает плачущего деревенского деда. Святость деда символизируют многочисленные цветочные эпитеты, их доминанта — белый цвет, указывающий в христианской традиции на просветленность, причастность к горнему миру, «родство с божественным светом» и «устремленность к духовной простоте» [Бычков, 1977, с. 104]: «Увидел: на большом *белом* камне сидит в посконном, хорошо выстиранном, *свежем* — *седой* дед в лаптях. И онучи, и обора каждая — *чиста, бела*. По всему — простой деревенский дед. Только больно долги, назад за голову, его *седые* волосы, и особая *светлизна* от них, вот уж промыты, волосик от волосика, и развеваются» (здесь и далее курсив наш. — Т. С.) [Солженицын, 2008, т. 11, с. 343]. Святой дед снится Козьме рыдающим, и Гвоздев понимает: «...да может он — и не по мне? По мне одному никак столько слез быть не может. А — по ком же?.. Такого и сердце не вмещает» (разрядка оригинала. — Т. С.) [Там же, с. 343]. Сон Гвоздева оформлен отдельной небольшой главкой («Март семнадцатого» — книга 1, глава 69), разделяющей две главы, повествующие о начале бунта в Волынском батальоне. Глава 68 рассказывает о сомнениях Тимофея Кирпичникова, зачинателя мятежа, глава 70 — об убийстве офицера Лашкевича. Так, глава о сне предсказывает ход дальнейших событий: не одумается Кирпичников, не передумают волынцы, не очнется Россия весной 1917 года.

Дед из сна Гвоздева словно оживает в образе Платона Алексеевича Лечицкого, командующего Девятой армией: «Он был *ослепительно белый* — *выседевший до яркого бела*: длинные *белые, сверкающие* усы, тем более рельефные, что остальное лицо гладко брито, и вся голова в мелком *бело-седом* засеве, и брови тоже *белые*» [Солженицын, 2009, т. 14, с. 503]. Воротынцев, разговаривая с генералом о послереволюционной судьбе армии, замечает в его облике отблеск святости: «Смотрел неподвижно. А стал он сух лицом и пробелен — как бы до святости. В нем как будто очищалось не полководческое его, а наследственное священское» [Там же, с. 505]. Рыдание и боль гвоздевского деда материализуются во фразе Лечицкого: «— Может быть... Может быть, и не сумеем мы... Передать потомкам Россию, унаследованную от отцов» [Там же, с. 506].

Художественная рецепция образа Николая Чудотворца

Святитель Николай в православном пантеоне занимает одно из главных мест: «...в восточнославянской традиции культ святого Николая по значимости приближается к почитанию самого Бога (Христа)» [Славянские древности, 2004, с. 398]. В сакральном топосе «Красного колеса» Николай Чудотворец тоже подле Христа. В походном складне Самсонова с двух сторон

от распятия изображены Георгий Победоносец и Николай Мирликийский. Рядом с образом Николая Угодника в комнате няни Поли Вера Воротынцева навсегда запомнила и фарфоровое яичко: «...если на свет через дырочку в него заглянуть, то открывался Христос в Гефсиманском саду» [Солженицын, 2007, т. 9, с. 208]. Герои, мысля Николая Чудотворца с Христом, выражают особое расположение к святому, показывают неиссякаемую веру в его чудотворную силу. От молитвы в штабе Найденбурга ждет спасение Самсонов, однако чудо явлено не в бою, а во сне, предсказавшем гибель Второй русской армии и смерть ее командующего.

Своим покровителем избирает святого Николая няня Поля: «Отмала чаще мамино лица виделось детям лицо няни. И даже образок помнился больше не свой над кроватью, но над кроватью няни: сгорбленный старенький Николай Угодник с котомкой за плечами идет по дремучему лесу» [Солженицын, 2007, т. 9, с. 208]. Иконный лик навсегда запомнился Георгию, оберегал в минуты опасности: «(Писал Георгий: в Грюнфлиссском лесу узнал он тот самый лес с няниной иконки)» [Там же]. Несмотря на то, что у каждого из воспитанников есть святые заступники, нянин образок Николая Чудотворца благословляет и хранит Егора с сестрой с детства.

Икона, находящаяся в няниной спальне, отличается редкостью извода: Николай Мирликийский изображен согласно не классической церковной трактовке в облачении православного архиерея, а в традиции народных представлений «седобородым стариком, часто являющимся людям в виде странника или нищего» [Славянские древности, 2004, с. 399]. Такой извод акцентирует простоту, естественность и сердечность няниной веры, в ее комнате высший священник превращается в доброго старца, защитника и покровителя, готового прийти на помощь.

Образ няни Поли во многом близок образу Дарьи Степановны Синицыной из романа И. С. Шмелева «Няня из Москвы» (1932–1933), повествующего об эмигрантских скитаниях героини и ее воспитанницы Катички. Героинь Шмелева и Солженицына объединяет негативное отношение к революционным событиям 1917 года, способность смотреть на мир мудро, сквозь призму христианских ценностей, вера в чудодейственную силу святого Николая: «Ну, думаю, на погибель остаемся. Взмолилась я Николе-Угоднику: вразуми-укрой, батюшка, проводи невредимо! Уж так я плакала, барыня, никогда так не плакала. Темный образок мой, а тут будто как ясный стал, будто живого сквозь слезы увидала. И как-то слободно на сердце стало. Ну, спокойна, нельзя спокойней. Буди Его святая воля» [Шмелев, 2001, с. 53]. Святитель Николай выступает в романе как заступник в несчастьях, покровитель в изгнании, как предсказатель будущего, как святой, дарующий великую надежду на лучшие времена. Образ няни Поли, соприкасаясь с образом шмелевской героини, показывает, что Солженицын во многом является продолжателем традиции христианского реализма, появившегося в произведениях писателей-эмигрантов (С. С. Бехтеева, А. В. Гессена, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева и др.) [Любомудров, 2010, с. 23–26], насильно оторванных от родины, но обретших с нею высшую духовную связь.

Неотделим образ святого Николая и от Матрены Васильевны, главной героини рассказа «Матренин двор» (1959): «Сколько жил я у нее — никогда не видал ее молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась. А дело всякое начинала “с Богом!” и мне всякий раз “с Богом!” говорила, когда я шел в школу. Может быть, она и молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить. Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке. Забудни стояли они темные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрена лампадку» [Солженицын, 2007, т. 1, с. 129]. Матрена, как и няня Поля, своим святым избирает Николая Мирликийского, и, хотя не выражает веру открыто (скорее, в силу внешних причин), безусловно, является человеком христианского мироощущения. Героини Солженицына — представительницы разных исторических периодов, но выразительницы одного общего глубинного национального православного истока, неискоренимого разрушительными событиями истории.

Художественная презентация образа Георгия Победоносца

Образ Георгия Победоносца сопровождает в «Красном колесе» военных: императора Николая II, генерала Самсонова, генерала Лечицкого, полковника Воротынцева, капитана Нелидова и др. Сквозным среди них является Георгий Воротынцев: герой проходит через все произведение и во многом олицетворяет идеал ратоборца. Несмотря на то, что Воротынцев с течением жизни растрчивает заложенную в нем с детства веру, своего святого полковник чтит и из всех регалий выбирает только две: «Офицерский Георгий и значок Академии геншта-

ба отмечали его грудь, другого не носил по-походному» [Солженицын, 2007, т. 7, с. 92]. Из всех узлов эпопеи самым военным является «Август четырнадцатого», где герой демонстрирует боевую доблесть, смелость и соответствие представлениям о ратном воине. Георгий, подобно своему небесному покровителю, в первом узле произведения предстает в образе всадника: «Дайте мне хорошего коня... и я поеду гоним сам» [Там же, с. 103]. Полковник, как никто из героев «Августа», пытается бороться со «змием зла», воплощенным в разъединенности русской армии, в ее слабом раздробленном командовании, в верховном штабе, мало ведающем о реальном фронтовом положении. Свою миссию Воротынцев видит в воссоединении армии Самсонова с 1-м корпусом, что должно хоть как-то облегчить ситуацию командующего. Самсонову Георгий представляется божьим посланцем: «Да, сам Бог послал этого полковника. Не только все понимает, не только расположенный и быстрый, — но и вынул из кармана и подарил армейский корпус!» [Там же, с. 101]. В образе штабного полковника словно явился сам Георгий Победоносец и совершил чудо — даровал надежду на победу.

В дальнейших узлах эпопеи Воротынцев предстает не столько боевым офицером, сколько борцом за мощь российского государства, полученную в результате стабильного мирного внутреннего развития: «...вся нынешняя война — не та. Как говорят в народе — не задалась. По ошибке начата, не с той ноги. И ведется губительно» (разрядка оригинала. — Т. С.) [Солженицын, 2007, т. 9, с. 127]. Полковник Воротынцев понимает: истинная слава России даруется не в войнах, а в устойчивости государственного существования, в сохранности и процветании народа. Воротынцев выступает в качестве носителя архетипа героя-борца, отвечающего за упорядоченное мироустройство, за торжество космоса над хаосом. Герой с его стремлением к внутригосударственному ладу близок не столько каноническому представлению о Георгии Победоносце, почерпнутому из его жития, сколько образу из духовных стихов, где он изображен как устроитель земли русской.

Другим героем, олицетворенным со святым Георгием, является в произведении Юрик Харитонов: «...день 26 ноября (9 декабря) превратился в особый осенний праздник св. Георгия, Юрьев день: в древности у русских людей Георгий назывался Юрием...» [Еремина, 1996, с. 43]. Юрий, обещав матери стать инженером, никем, кроме как военным, себя не мыслит: «Все игры Юрика Харитонova в детстве, с чего ни начни, сходили на военное. <...> ...эта военная страсть его была как бы тайной души, второй незримой жизнью, о которой никому и не надо было знать...» [Солженицын, 2009, т. 15, с. 166, 167]. Юрик в эпопее — это образ юного воина, которым на русских иконах часто предстал Георгий Победоносец. Однако, несмотря на возраст, Юрий объективно оценивает происходящие вокруг революционные события: «Юрику такой новый беспорядок очень не нравился: опустошался большой кусок жизни, а праздник все равно какой-то ворованный» [Там же, с. 169]. Видя разруху, творящуюся в Ростове, Юрик с Виталием дают друг другу обещание:

«— Если уж мужчины не хотят воевать — так кому ж, значит нам идти?

<...>

И Юрика подбросило встать:

— А давай поклянемся друг другу, что вот мы — будем против всякой мерзости биться!

И Виталий тоже встал, безо всякой усмешки.

И они соединили руки, неловко сцепясь: правую с правой, левую с левой, крест-накрест» [Солженицын, 2009, т. 16, с. 468].

Если образ Воротынцева отождествляется с военной доблестью, направленной на отстаивание государственных интересов, то младшему Харитонову суждено стать «святым воином», ратником, сражающимся не только за политическое устройство страны, но и за ее вековой православный уклад.

Георгий Победоносец воплощен в эпопее через образы георгиевских знамен и наград, считавшихся наивысшими боевыми отличиями Российской империи. Знамя и крест, именованные в честь святого ратника, знаменуют в «Красном колесе» воинскую доблесть, храбрость и славу их владельцев. Воротынцев как должное воспринимает рассказ Самсонова о битве за черниговское георгиевское знамя: «Полковой командир Алексеев с развернутым знаменем... Вокруг древка — смертельный бой... Георгиевский знак выламывали затвором, лежа... Теперь прибито к казачьей пике» [Солженицын, 2007, т. 7, с. 96]. Полковник, имеющий золотую геор-

гиевскую рукоять, не акцентирует данный случай, для него поступок полка естественен. В произведении присутствует и другое отношение к боевому славному знамени: «— А зачем они перли как бараны за нашим полковым, за мракобесом? Развернутое зна-мя! — и обсюсюкивает теперь весь полк. Нашли за что драться — за тряпку! Потом же — за одну палку. Навалили кучу трупов, это что? Играют нами, как оловянными!» [Солженицын, 2007, т. 7, с. 137]. Полярность позиций Воротынцева и Ленартовича уже в «Августе четырнадцатого» демонстрирует, кто по какую сторону окажется в «Марте семнадцатого».

Высшей гордостью для Елисея Благодарева являются боевые награды сына: «А на ши-нельной груди вот уже два крестовых звяка (что ль теперь их легче дают?), и один Егорий такой сверклый, новенький, ленточка чистая, даже жалко носить затрапезно» [Солженицын, 2007, т. 9, с. 460]. Елисей, имеющий крест за турецкую войну и знающий ему цену, очень бережно отно-сится к военным заслугам Арсения: «Не проминул батька, огладил кресты: — Ну, ну. Значит, ничаво служишь?» [Там же, с. 460]. «Егории» включают отца с сыном в особый круг, роднят по-военному, показывая, что каждый из мужчин, обладателей столь дорогой и тяжелой награды, честно выполнил долг перед родиной. Крест святого Георгия придавал мужчине особый статус, и в глазах окружающих мог поставить сына даже выше отца, недаром деревенские мужики при виде вернувшегося Арсения первым делом просят показать «Егории». Старший Благодарев, чув-ствуя ратное превосходство Арсения, ни в чем уступать не хочет: «— Да хошь проси австрияка, а я на войну пойду. Что ж, гляди, у сопляка два Егория, а у меня лишь один?» [Там же, с. 461]. Гучков, ставший в революционные дни военным министром, понимает значимость Георгиев-ской награды: «А тут — кажется, неизбежность, под напором общественного мнения револю-ции, отменять все боевые ордена, из-за их царского или церковного звучания, — и только Геор-гиевский крест, конечно, надо отстоять» [Там же, 2009, т. 14, с. 388]. Георгиевский крест — это не просто орден, это доблестная воинская история, одно из ее оснований; с его утратой, осозна-ет Гучков, окончательно прекратит существование не столько армия, сколько Россия.

На протяжении революционного повествования и в узлах, посвященных народоправству, автор показывает, как постепенно значение Георгиевского креста нивелируется. «Георгий» Кир-пичникова, завоеванный в дни революции, не помогает приобрести авторитет среди солдат: «Хотя носил теперь Кирпичников Георгия на груди, хотя стали они с Мишей Марковым подпрапорщи-ками — а не добавилось порядка ни в их учебной команде, ни во всем Волынском батальоне. Да-же хуже намного стало...» [Солженицын, 2009, т. 15, с. 519]. Сослуживцы чувствуют поддель-ность полученного не в бою ордена, ощущает это и сам Тимофей: дело, за которое он был награжден, оказалось совсем не «святым»: «Ползет-ползет все куда-то под гору, и чего будет! Пройти по Питеру срамно...» [Там же, с. 521]. Как к последнему оплоту в борьбе с ленинцами об-ращается к Георгиевскому кресту военный министр: «А после Гучкова вышел на балкон подбин-тованный солдат со свеженьким Георгием на груди. <...> Когда я сегодня днем увидел шайку бан-дитов-ленинцев, которые мешают течению жизни, и их флаги “долой войну”, и сами кричат “долой войну”, — а по-моему, “долой войну” — это “долой Россию”. И я с товарищами солдата-ми стал протестовать... И в нас стреляли, и меня ранили. И вот только что министр Гучков награ-дил меня Георгиевским крестом» [Там же, с. 575]. Поступок Гилевича, принявшего крест в пас-хальный апрель 1917 года, воспринимался уже если не как чудачество, то как нечто странное, не соответствующее духу «свободной» русской армии, в которой военные не только перестали при-нимать новые георгиевские награды, но и с легкостью расставались с прежними.

Отказ от креста символизирует в эпосе забвение русской воинской доблести, отречение от духовных, православных ценностей. В революционной России оказались не востребованы совесть, жалость, любовь, честь, все то, что на протяжении веков воплощал христианский крест. Воротынцеву бесконечно больно наблюдать бессмысленную сдачу крестов: «И потянуло по фронтовым частям, как эпидемия: сдавать Георгиевские кресты... И солдаты — снимают с гим-настерок свою гордость (принятую когда-то перекрестясь), за что так несоразмерно клали жизнь, — и кидают в безликие сборные сумки. <...> И вот это было надрывно Воротынцеву, как будто он сам сдавал: так легко отдавали заветное!» [Солженицын, 2009, т. 15, с. 103–104]. Полковник не в силах принять этого, он не может представить, как расстаться с наградой, за ко-торую заплачено столь высоко. Об истинной цене Георгиевского креста сказано в «Тихом Доне» (1928–1940), эпосе, повествующей, как и «Красное колесо», о событиях Первой миро-вой войны и революции: «Огрубело сердце, зачерствело, будто солончак в засуху, и как солон-

чак не впитывает воду, так и сердце Григория не впитывало жалости. С холодным презрением играл он чужой и своей жизнью; оттого прослыл храбрым — четыре Георгиевских креста и четыре медали выслужил. ...но знал, что больше не засмеяться ему, как прежде; ...знал, что трудно ему, целуя ребенка, открыто глянуть в ясные глаза; знал Григорий, какой ценой заплатил за полный бант крестов и производства» [Шолохов, 1992, с. 42].

В дни революции переосмысливается как значение Георгиевского креста, так и образ святого. На Первомайской демонстрации среди разнообразных плакатов и лозунгов Сусанна Корзнер отметила: «У кожевенного союза Георгий Победоносец поражал дракона-царя» [Солженицын, 2009, т. 16, с. 17]. Сакральный топос деформируется: Георгий Победоносец из православного святого перевоплощается в покровителя революции. «Революционный Георгий» — это образ, свидетельствующий о языческом хаосе, творившемся в России, о том, что большинство из его участников с трудом осознавали суть мартовских перемен и то, что за ними последует.

На протяжении повествования автор показывает, что десакрализация произошла задолго до Февраля, который лишь обнажил духовные пустоты, царящие в обществе. В начале XX века становится несвоевременно чтить небесных защитников. Алина Воротынцева не любит свою святую, поэтому отмечает не день именин, а день рождения, который считает едва ли не главным годовым торжеством. Ликоня, поддавшись веянию времени, регулярно празднует именно день рождения. Сакральные события годового цикла, не почитаясь, стираются из памяти, их место занимают даты мирские. Церковный календарь — примета прошлого, что свидетельствует о смене парадигмы мышления, о готовности легко отречься от православной традиции.

В 25-й главе «Августа четырнадцатого» показано, что не только образованные горожане пренебрегают покровительством святых защитников, но и простые крестьяне. Генерал Артамонов, обходя перед боем Выборгский полк, не без удивления и досады узнает, что солдаты, жители деревень, не знают своих святых. Не эти ли солдаты, не ведающие над собой небесной силы, будут затевать мятежи в полках, убивать офицеров, дезертировать с фронта, бездумно отдавать Георгиевские кресты? Так, небольшой фрагмент «Августа четырнадцатого» вводит в атмосферу атеистического разгула, изображенного в третьем и четвертом узлах «Красного колеса».

Отражен в эпосе тип сознания, не приемлющий православия и его святых. Агнесса и Адалия Ленартович, приверженцы революционного переустройства государства, с возмущением воспринимают предположение племянницы:

«— Тети, милые... Но мы дядю Антона любим все, и я не меньше вас. Но все-таки, я осмелюсь сказать, — он не святой? не агнец? Ведь он же первый пошел убивать?»

— *Первый?* — ахнули тети» [Солженицын, 2007, т. 8, с. 84].

Для тетюшек Ленартович святые народовольцы, метающие ради свободы бомбы. Обожествляя «рыцарей духа», проповедуя Веронике «жития революционеров» (гл. 60 «Август четырнадцатого»), Агнесса и Адалия возводят их в сакральный статус, никаких других святых в их понимании не существует. Ленартовичи в эпосе — олицетворение хаоса, ненавидящие все то, что связано с христианством, выбравшие себе иную «религию» — революционный террор.

Заключение

Святые занимают важное место в образной системе «Красного колеса», формируя духовный топос эпоса. Серафим Саровский, связанный с императором Николаем II и святыми старцами, воплощает осколок былой православной Руси, несет память о духовном идеале, утраченном русским народом. Появление его образа прежде всего сопряжено с героями, размышляющими о драматической судьбе России, предчувствующими беды, которые обрушатся на нее в 1917 году. Образ Николая Мирликийского соединен с образом няни Поли, поэтому в произведении призван явить православию в его народном представлении, далеком от официозных форм. Солженицын показывает, что возможность духовного прозрения, очищения, вероятно, может осуществиться через подобное религиозное мироощущение, еще сохраняющее незамутненные нравственные устои. Художественное отображение Георгия Победоносца сопряжено с героями, связанными с армией. С одной стороны, обращение к образу святого Георгия призвано продемонстрировать отвагу и достоинство офицера, ратующего за Россию, с другой — революционный процесс разрушения кодекса воинской чести и доблести, искони объединявшегося с православными традициями.

Список источников

1. Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. — М. : Искусство, 1977. — 199 с.
2. Гаркавенко О. В. Христианские мотивы в творчестве А. И. Солженицына : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Саратов, 2007. — 223 с.
3. Гуськов В. В. Кто раскрутил красное колесо? Система персонажей исторической эпопеи А. И. Солженицына «Красное колесо». — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. — 228 с.
4. Еремина Т. Покровитель воинов // Россия молодая. — 1996. — № 4. — С. 41–44.
5. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. — М. : Искусство, 2000. — 395 с.
6. Ликвинцева Н. В. Богословские и антропологические основания надежды в «Красном колесе» // Философские науки. — 2014. — № 2. — С. 75–88.
7. Любомудров А. М. Православная традиция в литературе русского зарубежья // Литература в школе. — 2010. — № 1. — С. 23–26.
8. Славянская мифология : энцикл. слов. — М. : Междунар. отношения, 2002. — 512 с.
9. Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. — М. : Междунар. отношения, 2004. — Т. 3. — 704 с.
10. Смыковская Т. Е. Женские образы А. Солженицына в контексте пасхальной традиции (на примере эпопеи «Красное колесо») // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2013. — № 3 (40). — С. 97–105.
11. Смыковская Т. Е. Мотив христианского поста как проекция нравственной сущности героя в эпопее А. Солженицына «Красное колесо» // Наследие А. И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Решетова. — Рязань : Изд-во «Концепция», 2014. — С. 215–222.
12. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. — М. : Время, 2007-. — Т. 1. — 2007. — 672 с. ; Т. 7. — 432 с. ; Т. 8. — 536 с. ; Т. 9. — 512 с. ; Т. 11. — 2008. — 744 с. ; Т. 14. — 2009. — 736 с. ; Т. 15. — 624 с. ; Т. 16. — 792 с.
13. Тихомирова Е. С. Христианские мотивы в творчестве Солженицына // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2009. — № 3. — С. 168–171.
14. Шешунова С. В. Национальный образ мира в эпопее А. И. Солженицына «Красное колесо». — Дубна : Междунар. ун-т природы, о-ва и человека, 2005. — 111 с.
15. Шмелев И. С. Няня из Москвы. — М. : Никея, 2018. — 230 с.
16. Шолохов М. А. Тихий Дон : в 4 кн. — М. : Рус. кн., 1992. — Кн. 2. — 352 с.
17. Щедрина Н. М. «Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. — М. : Памятники. ист. мысли, 2010. — 336 с.
18. Урманов А. В. Художественное мирозерцание Александра Солженицына. — М. : Рус. путь, 2014. — 624 с.

References

1. Bychkov V. V. *Vizantiyskaya estetika. Teoreticheskiye problemy* [Byzantine aesthetics. Theoretical problems]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, 199 p. (In Russian).
2. Garkavenko O. V. *Khristianskiye motivy v tvorchestve A. I. Solzhenitsyna* [Christian motives in the works of A. I. Solzhenitsyn]. Dissertation of Candidate of Philology: 10.01.01. Saratov, 2007, 223 p. (In Russian).
3. Guskov V. V. *Kto raskrutil krasnoye koleso? Sistema personazhey istoricheskoy epopei A. I. Solzhenitsyna "Krasnoye koleso"* [Who spun the Red Wheel? The system of characters in A. I. Solzhenitsyn's historical epic "The Red Wheel"]. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2010, 228 p. (In Russian).
4. Eremina T. Patron of warriors. *Rossiya molodaya* [Young Russia]. 1996, iss. 4, pp. 41–44. (In Russian).
5. Lazarev V. N. *Russkaya ikonopis ot istokov do nachala XVI veka* [Russian icon painting from its origins to the beginning of the 16th century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000, 395 p. (In Russian).
6. Likvintseva N. V. Theological and anthropological foundations of hope in the "Red Wheel". *Filosofskiy nauki* [Philosophical Sciences]. 2014, iss. 2, pp. 75–88. (In Russian).
7. Lyubomudrov A. M. Orthodox tradition in the literature of Russian abroad. *Literatura v shkole* [Literature at school]. 2010, iss. 1, pp. 23–26. (In Russian).
8. *Slavyanskaya mifologiya: entsikl. slov.* [Slavic mythology: encyclopedic dictionary]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 2002, 512 p. (In Russian).
9. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvist. slov.: v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, 704 p. (In Russian).

10. Smykovskaya T. E. Female images of A. Solzhenitsyn in the context of the Easter tradition (using the example of the epic “The Red Wheel”). *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina* [Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2013, iss. 3 (40), pp. 97–105. (In Russian).

11. Smykovskaya T. E. The motive of Christian fasting as a projection of the moral essence of the hero in A. Solzhenitsyn’s epic “The Red Wheel”. *Naslediye A. I. Solzhenitsyna v sovremennom kulturnom prostranstve Rossii i zarubezhya: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The legacy of A. I. Solzhenitsyn in the modern cultural space of Russia and abroad: collection. materials International scientific-practical conference]. Ed. by A. A. Reshetova. Ryazan, Kontsept Publ., 2014, pp. 215–222. (In Russian).

12. Solzhenitsyn A. I. *Sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Moscow, Vremya Publ., 2007, vol. 1, 2007, 672 p.; vol. 7, 432 p.; vol. 8, 536 p.; vol. 9, 512 p.; vol. 11, 2008, 744 p.; vol. 14, 2009, 736 p.; vol. 15, 624 p.; vol. 16, 792 p. (In Russian).

13. Tikhomirova E. S. Christian motives in Solzhenitsyn’s works. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov]. 2009, iss. 3, pp. 168–171. (In Russian).

14. Sheshunova S. V. *Natsionalnyy obraz mira v epopeye A. I. Solzhenitsyna “Krasnoye koleso”* [National image of the world in A. I. Solzhenitsyn’s epic “The Red Wheel”]. Dubna, International University of Nature Publ., Society and Man Publ., 2005, 111 p. (In Russian).

15. Shmelev I. S. *Nyanya iz Moskvy* [Nanny from Moscow]. Moscow, Nikeya Publ., 2018, 230 p. (In Russian).

16. Sholokhov M. A. *Tikhiy Don: v 4 kn.* [And quiet flows the Don: in 4 books]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1992, bk. 2, 352 p. (In Russian).

17. Shchedrina N. M. *“Krasnoye koleso” A. Solzhenitsyna i russkaya istoricheskaya proza vtoroy poloviny XX veka* [“The Red Wheel” by A. Solzhenitsyn and Russian historical prose of the second half of the twentieth century]. Moscow, Pamyatniki. ist. mysli Publ., 2010, 336 p. (In Russian).

18. Urmanov A. V. *Khudozhestvennoye mirosozertsaniye Aleksandra Solzhenitsyna* [The artistic worldview of Alexander Solzhenitsyn]. Moscow, Russkiy put Publ., 2014, 624 p. (In Russian).

Информация об авторе

Смыковская Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов: история русской литературы XX столетия, литература ГУЛАГа, литературное краеведение.

Information about the author

Smykovskaya Tatyana Evgenievna — doctor of philology, professor of the Department of Russian Language and Literature at Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Research interests: history of Russian literature of the twentieth century, literature of the Gulag, literary local history.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; принята к публикации 25.02.2024.

The article was submitted 17.01.2024; accepted for publication 25.02.2024.